

**Женский институт Кубанского Казачьего войска:
из истории становления**

В статье рассматриваются неизвестные аспекты истории Кубанского Мариинского института, занимавшего уникальное положение среди других закрытых женских институтов Ведомства учреждений императрицы Марии.

Ключевые слова: Российская империя, Ведомство учреждений имп. Марии, женское образование, Кубанский Мариинский институт.

**Ponomareva V.V.,
Russia, Moscow**

Female institute of Kubanskii Cossack unit: from the history of formation

This article looks at the unknown aspects of the history of the Kubanskii Mariinsky institute, which held a unique position amongst other closed girls' boarding schools of the Mariinsky establishment.

Keywords: Russian empire, Mariinsky establishment, women's education, Kuban Mariinsky institute.

Мариинский Кубанский институт в качестве училища «с благородным при нем пансионе» был учрежден в Екатеринодаре в 1863 г. Первым его историографом стал С.И. Калайтан [1]. Степан Иванович Калайтан, принадлежавший к «войсковому сословию», много лет своей жизни посвятил Мариинскому институту. По крайней мере, с 1883 г. он преподавал здесь, будучи всего лишь «действительным студентом», а в 1916 г. в «Отчетности Мариинского Кубанского института» Калайтан фигурирует уже в качестве статского советника [2, с. 20]. К 50-летию учебного заведения он выпустил фундаментальное издание, посвященное его истории. После долгого перерыва институт вновь оказался в центре внимания исследователей [3; 4; 5; 6]. Тем не менее, в истории Кубанского Мариинского института остается еще немало неизученных страниц.

Мариинское женское училище Кубанского Казачьего войска было открыто в 1863 г., через 5 лет оно было причислено ко II разряду женских учебно-воспитательных заведений Ведомства учрежде-

ний императрицы Марии [7, с. 10]. Лишь спустя 40 лет оно смогло получить статус закрытого женского института Мариинского ведомства. Столь длительный период становления училища был обусловлен социально-культурными особенностями населения Кубанской области, его запросами.

В конце 1850-х - начале 1860-х гг., в эпоху Великих реформ, в России происходили серьезные преобразования в области женского образования: шло реформирование уже существовавших учебных заведений (таких, как Мариинские институты, епархиальные училища, пансионы) и появилась школа нового типа, ставшая главным русским средним женским учебным заведением — женская гимназия, доступная представительницам всех сословий. Учебные заведения разного уровня для девочек стали открываться во всех регионах Российской империи. Именно на гребне этого общественного подъема, серьезного культурного движения в поддержку женского образования, охватившего Россию, открылось первое училище для девочек и в Кубанской области. История его открытия подробно освещена в историографии [1, с. 1-12]. Задача развития женского образования осознавалась современниками как насущнейшая, и не случайно в то же время возникли и другие проекты учреждения женской школы на Кубани. Само Мариинское училище открыло свои двери не только дочерям лиц войскового сословия, но и девочкам из разных сословий и вероисповеданий (за невысокую плату).

Первая женская школа на Кубани, предназначенная, прежде всего, для дочерей лиц войскового звания, принадлежавших к Кубанскому казачьему войску, была учреждена в форме традиционного для Мариинского ведомства интерната. И характер, и назначение казачьих войск, их связь с Императорским домом, а также то участие, которое принимали в основании училища такие лица, как Ф.Н. и Е.С. Сумароковы-Эльстон, предопределили его форму и дальнейшую судьбу. Как писал С.И. Калайтан, «почетнейшие лица, занимавшие видное служебное положение, воспитывали своих дочерей в столичных институтах на счет казны или пользовались стипендиями Кубанского казачьего войска в институтах губернских: Харьковском — 6, Одесском — 9, Мариинско-Донском — 10, Керченском-Кушниковском — 4» [1, с. 6]. Во многом такое положение сохранялось и впоследствии, поскольку Кубанское училище не могло обеспечить столь же высокого уровня воспитания и образования, какое давалось в Мариинских институтах.

Войско Донское открыло свое женское училище на 10 лет раньше, в 1852 г., и оно сразу же получило статус института. Это означало, что его программа обучения, квалификация преподавателей, подбор классных дам и пр. соответствовали высоким нормам Мариинского ведомства. Отметим, что условия существования Кубанского Мариинского училища, опосредованные иным культурным уровнем кубанского казачества, были крайне непростыми. С самого начала оно столкнулось с многочисленными трудностями. Сложно происходил набор воспитанниц: казачество неохотно отдавало своих дочерей на воспитание в чужие руки, подобный способ обучения девочек еще был непривычен для многих. Долгое время сохранялись «крайние затруднения в помещении»: училище располагалось «в трех нанимаемых домах». Публикуя отчет о Торжественном акте в училище, газета «Кубанские войсковые ведомости» выражала надежду, что скоро, уже «через два-три года... благодаря просвещенным заботам войскового начальства» училище получит новое здание. Однако эта надежда в тот период времени не оправдалась. Кроме того, девочки поступали в училище совершенно неподготовленными, некоторые приходили в середине года и не успевали пройти курс. Так, из 54 воспитанниц 32 были оставлены в приготовительном классе [8, с. 196].

В архивных документах сохранился рассказ о благотворительной деятельности войскового старшины А.А. Посполитаки, который в 1862 г. подал наказному атаману Кубанского Казачьего войска ходатайство об открытии в Екатеринодаре «первоначального женского училища» [9, л. 11]. После смерти А.А. Посполитаки его дело продолжила дочь, Е.А. Александровская. По соглашению с бывшим наказным атаманом графом Сумароковым-Эльстон было решено открыть пансион при Кубанском Мариинском училище. Вся учебно-воспитательная часть пансиона Посполитаки подчинялась Совету училища. В пансион принимали дочерей офицеров, чиновников, не служивших дворян и духовенства, преимущественно, из войскового сословия Кубанского Казачьего войска, причем по выбору наследницы Посполитаки 10 девочек принимались стипендиатками на полное иждивение. Для небогатого казачьего сословия эти меры оказались серьезным подспорьем. Пансионерки посещали уроки училища как «приходящие», а сам пансион «вошел в столь тесную связь с училищем, что в помещении пансиона были открыты даже параллельные классы училища». Устав пансиона был утвержден в 1869 г. [9, л. 16 об.] В 1898 г. на имя императрицы Марии Федоровны было подано

прошение о принятии пансиона под высочайшее покровительство в качестве «неразрывной части Кубанского Мариинского женского училища» [9, л. 11 об.], каковым он фактически давно уже являлся.

Кубанское Мариинское училище появилось в период, который не был благоприятным для закрытых женских институтов. Эпоха Великих реформ являлась временем резкой поляризации общества, когда с отменой цензурных препон демократическая печать обрушилась и на персоны, и на учреждения «старого режима». Одной из излюбленных мишеней стали «институты благородных девиц» [10]. Интересно, что Мариинское училище начали критиковать, когда фактическое его открытие еще не состоялось.

В 1861 г. «Журнал министерства народного просвещения» перепечатал материал из «С.-Петербургских ведомостей» о планах учреждения частного женского училища в Екатеринодаре. Эта мысль принадлежала Н.С. Иваниной, о которой говорилось, что она с сестрой «были первыми в России учительницами воскресной школы, открытой ими на свои средства в С.-Петербурге на своей квартире». Как заявила, в частности, Н.С. Иванина, «в наших русских институтах» давалось «такое воспитание, которое вовсе несообразно с бедным положением Черномории, где нужны не одни блески, а практичность. В самом деле, какая польза для бедного казачьего офицера, если его жена, сестра или дочь бойко говорит по-французски, прекрасно играет на фортепьяно (которое ему и купить не на что), танцует как сильфида — если она не умеет ни заняться хозяйством, ни сшить себе и своему семейству белья? А ведь здесь хозяйство не то, что столичное, даже не то, что городское: здесь живут хуторами, а на хуторе иной барыне придется, пожалуй, самой и коров подоить, а остряпне уж и говорить нечего». Приехавшая из Петербурга дама «решилась устроить здесь женское учебное заведение, которое *удовлетворяло бы местным потребностям края*» (очевидно, в будущей гимназии предполагалось учить доить коров?). Иванина устраивала благотворительные спектакли, лотереи для сбора денег, и в результате, по утверждению журналиста, «училище получило прочное основание» [11, с. 32]. Данных о его дальнейшей судьбе нам найти не удалось. В 1860-е гг. немало энтузиастов пыталось открывать женские учебные заведения, однако без серьезной поддержки существование большинства из них оказалось недолгим.

Отметим, что, вопреки мифологическим представлениям об институтском образовании, здесь обучали девушек рукоделию, давали

педагогические знания, готовили к профессии гувернантки или учительницы, а жесткая дисциплина приучила их к систематическому труду. Знание иностранных языков и музыки только увеличивало шансы выпускниц на получение хорошей работы и, соответственно, жалованья, что имело особо важное значение для сирот и дочерей бедных родителей, которых среди институток числилось немало. Впрочем, все сказанное пока еще не имело никакого отношения к Кубанскому Мариинскому училищу, поскольку его уровень далеко не дотягивал до институтского. Например, французский язык как обязательный предмет здесь удалось ввести лишь в 1874 г. В первую очередь, должен был измениться уровень культуры самого кубанского казачества, его духовные запросы. Начальница института А.М. Казаринова писала о трудностях воспитания девочек-казачек, «ибо дома их никто не воспитывает, да и родители, большей частью бедные люди, удрученные хозяйством, не имеют времени обращать внимание на внешние мелочи», о сложностях приучения воспитанниц к повседневной гигиене и пр. [1, с. 41]

В 1880-х гг. начался новый этап преобразования Кубанского Мариинского училища [12]. В нем усложнилась учебная программа, открылись параллельные классы из-за увеличения числа воспитанниц. Местное население поддерживало свое училище, учреждая в нем стипендии для беднейших питомцев, Назовем есаула Бабич, который учредил стипендию имени Прасковьи Бабич. Капитал на стипендию завещала также вдова генерал-майора Зенченко и др. Важнейшим итогом работы училища, которым можно было гордиться, стало то, что «уже первые выпуски училища стали выделять из себя значительный процент учительниц в станичные школы области». С.И. Калайтан назвал выпускниц «в некотором роде культуртрегершами края, проводниками знаний практического характера, каковые они усваивали в бытность в училище» [1, с. 13,51]. В 1901 г. Опекунский совет Мариинского ведомства принял решение преобразовать Кубанское Мариинское женское училище на новых основаниях. С начала 1903/1904 учебного года был добавлен еще один класс и училище стало 7-классным. Кроме того, были приняты новые институтская учебная программа, табель, набран штат преподавателей и служащих.

Согласно новым правилам, полными пансионерками (в интернат) принимались дочери генералов, штаб- и обер-офицеров, классных чиновников, священнослужителей казачьего происхождения и потомственных дворян, не состоявших на службе. Принимались так-

же дочери служащих в Кубанской области, хотя и не принадлежавших к казачьему сословию. Комплект интерната увеличили до 250 чел., из них на полном коште состояло 125 девочек, полукоштных было 50, а своекоштных — 75. Помимо пансионеров, в училище допускались 100 «приходящих» учениц. При этом оговаривалось, что число своекоштных и «приходящих» может быть увеличено, если позволит помещение. Плата за своекоштных войскового сословия устанавливалась в 200 руб. в год, а не войскового — 275 руб. Плата за полукоштных складывалась пополам из сумм Кубанского Казачьего войска и вносимых родителями. Приходящие из войскового сословия обучались бесплатно. Учебный курс расширили введением немецкого языка, педагогики и гигиены, а преподавание естественных наук сократили [13; 14].

Как и некоторые другие женские институты Мариинского ведомства, Кубанский институт руководствовался особыми положениями, корректировавшими общий характер Устава женских учебных заведений. Приняли решение по-прежнему учитывать местные особенности. Так, Учебный комитет института, «в соответствии с местными условиями», решил «понизить требования от вступающих в институт». В частности, из приемных требований исключались первичные познания по иностранному языку (подобный пункт допускался и в некоторых других губернских институтах), увеличено число уроков русского языка. Поскольку выпускницы Кубанского института получали те же права, что и другие институтки, признали необходимым «в некоторых классах назначить большее число уроков». Учебный комитет института, хотя и, «безусловно, признавал пользу изучения домашнего хозяйства, а равно и приобретения некоторых медицинских сведений», в то же время считал, «безусловно, невозможным уменьшить количество свободного времени» для основательного приготовления заданных уроков, а также самостоятельного чтения «классических произведений литературы» [9, л. 17].

Денег на содержание Кубанского института выделялось недостаточно: на 12 руб. меньше на одну воспитанницу, чем в Николаевском Сиротском институте С.-Петербурга [9, л. 23]. Приходилось поневоле думать о повышении пансионерской платы. Местное население было небогато, поэтому повысить плату можно было лишь незначительно. В Донском институте вовсе отказались от повышения платы, которая происходила во всех Мариинских институтах, «ввиду

особых условий, в которых находятся казачество и дворяне Донской области» [9, л. 25].

Институт в Екатеринодаре, наконец, обрел новое здание, отстроенное специально для него. Величественная постройка, не уступавшая лучшим институтским дворцам, была возведена архитектором А.П. Косякиным. Документы Российского государственного исторического архива в Петербурге содержат немало сведений о том, как обустраивался новый институтский дом. Расходы следовало сокращать, и каждый пункт подвергался подробному обсуждению. Выбиралась обстановка поскромнее. Так, смету на традиционные портреты императорских особ по 800 руб. каждый забраковали, указав, что в одной из гимназий «большие, во весь рост, портреты государя императора и государыни императрицы работы хорошего художника в золоченых рамах обошлись по 350 руб.», а первоначально предложенные дубовые кресла для преподавателей заменили венскими стульями. Такой же была обстановка, судя по сохранившимся фотографиям, и в других Мариинских институтах, где также старались соблюдать режим экономии.

Новое здание женского института в Екатеринодаре соответствовало современным требованиям эпохи: он имел собственную электрическую станцию, центральное паровое отопление и механическую прачечную. Отметим, что в женских институтах зачастую появлялись новинки в области быта, какие в массе были еще неизвестны другим городским обитателям. При институте, как заведено, разбили сад в 4 дес. Воспитанницы института участвовали в театральных постановках, в описи имущества института значатся декорации («лес, улица»), кулисы, различные костюмы.

Постепенно женский институт Кубанского Казачьего войска укрепил свои позиции. Выросший уровень подготовки и потребностей казачек привел к тому, что в конце XIX в. Военный совет решил учредить при С.-Петербургских Высших женских курсах и при С.-Петербургском медицинском институте 3 стипендии Кубанского казачьего войска «для женского пола войскового сословия с отпуском из общего войскового капитала по 420 руб. на каждую стипендию» [15, с. 12]. В 1910 г. было получено право награждать лучших своих выпускниц шифрами: для института был установлен шифр с вензелевым изображением имени основательницы «МА» (т.е. той императрицы, в царствование которой институт был открыт) — Марии Александровны. Более 70 воспитанниц обучали музыке, для этого институт

располагал 5 роялями и 4 пианино, и начальство выхлопотало разрешение купить еще 2. Тогда же открылся дополнительный педагогический класс и опытная школа, где будущие учительницы давали пробные уроки. Женский институт на Кубани являлся, как указывалось выше, «единственным казачьим средним учебным заведением, имеющим одной из своих задач готовить учительниц в станичные школы, где обучаются, по преимуществу, казачьи дети» [9, л. 153]. В 1916 г. дополнительный педагогический класс института имел уже 3 отделения: словесное, математическое и педагогическое. Около 2/3 воспитанниц класса становились учительницами [9, л. 237]. Таким образом, Кубанский институт проходил все те же ступени развития, что и другие Мариинские институты.

Юбилей Кубанского института отмечался на широкую ногу. Программа празднеств утверждалась лично императрицей Марией Федоровной. В честь юбилея была учреждена стипендия графини Е.С. Сумароковой-Эльстон, первой начальницы училища, установлен особый юбилейный наградной знак [16, л. 199-200]. Кроме того, был отслужен благодарственный молебен и прочитан высочайший рескрипт, звучали речи преподавателей, зачитывались приветственные адреса и поздравления. На праздничном литературно-музыкальном вечере воспитанницы, по обычаю, демонстрировали свои успехи в декламации, пении и игре на музыкальных инструментах.

Росло число воспитанниц Кубанского женского института, в том числе и благодаря пожертвованиям. Назовем стипендию имени Е.А. Титенко. В январе 1917 г. по завещанию генерал-майора Н.И. Вишневецкого был получен капитал в 10 тыс. руб. для учреждения 1 стипендии его имени, «преимущественно, для круглых сирот или полусирот» офицеров или чиновников Кубанского казачьего войска. Как и в других институтах, учреждались адресные вакансии. Например, оплачивались 10 мест для дочерей раненых и убитых во время русско-японской войны. Первая мировая война многократно увеличила число сирот, которых освобождали от платы за учение.

Многое из прошлого женского института Кубанского Казачьего войска, по всей видимости, навсегда останется неизвестным из-за крайней неполноты архивных данных. Так, по устному рассказу бывшей воспитанницы института М.П. Агибаловой, уже в начале Гражданской войны значительная часть делопроизводства института была специально уничтожена, чтобы скрыть принадлежность к «благородному сословию» учившихся там девочек. Однако поиск и даль-

нейшее изучение сохранившихся документов, публикаций в периодической печати позволит в определенной мере восполнить имеющиеся лакуны в этой теме.

Примечания

1. Калайтан С. Пятидесятилетие Кубанского Мариинского женского института (1863-1913 гг.). — Екатеринодар, 1913. — 108 с.
2. Кубанская справочная книжка. 1883 г. / Сост. Е.Д. Фелицын. — Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1883. — 24 с.
3. Рыбко С.Н. Воспитание девиц казачьего происхождения в Мариинском женском институте // Итоги фольклорно-этнографического исследования этнических культур Кубани за 1998 г.: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. — Краснодар, 1999. — С. 160-164.
4. Федина И.М. Становление и эволюция светского и православного женского образования в Кубано-Черноморье: досоветский период: Дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Федина Ирина Михайловна; [Место защиты: Ставроп. гос. ун-т]. — Краснодар, 2008. — 216 с.
5. Федина И.М. Кубанские воспитанницы в институтах благородных девиц // Кубань — Украина: Вопросы историко-культурного взаимодействия. — Вып. 1. — Краснодар, 2006. — С. 108-112.
6. Пономарева В.В. Закрытые женские институты Мариинского ведомства в формировании единого образовательного пространства России (на примере Кубанского Мариинского женского института) // Кубанские исторические чтения: Мат-лы IV Всерос. с междунар. учас. науч.-практ. конф. — Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2013. — С. 45-48.
7. Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии, высочайше утвержденный 30 августа 1855 года. С последующими доп., изм., циркуляр. распоряжениями и предписаниями по 1 янв. 1884 г. — СПб.: Типо-лит. К. Штремера, 1884. — 346 с.
8. Кубанские войсковые ведомости. — 1867. — № 47.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 762. — Оп. 2. — Д. 503.
10. Пономарева В.В. “Институты благородных девиц” под прицелом периодической печати // Меди@льманах. — М.: Партнерство фак-тов журналистики, 2015. — № 6. — С. 77-86.
11. Открытие женского училища в Екатеринодаре // Журнал министерства народного просвещения. — 1861. — Ч. 110. — Отд. IV (Курсив наш. — В.П. Речь в тексте идет лишь о планах учреждения училища, однако заголовок заявляет об этом, как о свершившемся факте).
12. РГИА. — Ф. 759. — Оп. 23. — Д. 309.
13. РГИА. — Ф. 759. — Оп. 24. — Д. 642;
14. РГИА. — Ф. 759. — Оп. 25. — Д. 763.
15. Новый мир. — 1899. — № 2.

УДК 94(47).081.082;479”1862-1882”

АВАКЯН Ю.Я.,
Россия, г. Краснодар

Деятельность великого князя М.Н. Романова на Кавказе (1862-1882 гг.)

В статье рассмотрены различные аспекты деятельности наместника Его Императорского Величества на Кавказе и командующего Кавказской армией М.Н. Романова в течение 1862-1882 гг. Автор выяснила, как отразились проводимые в государстве реформы на образе жизни народов Кавказа, роль великого князя в решении важных военных и политических вопросов.

Ключевые слова: XIX в., Российская империя, М.Н. Романов, Кавказ, император, великий князь, наместник Кавказский, армия, генерал-фельдмаршал, Кавказская война, Крестьянская реформа.

**Avakyan Y.Y.,
Russia, Krasnodar**

Activity of grand duke M.N. Romanov on Caucasus (1862-1882)

In article various aspects of activity of deputy of Its Imperial Majesty on Caucasus and ordering Caucasian army M.N. Romanov within 1862-1882 are considered. Author has found out, how reforms, carried out in state, were reflected in a way of life of people of Caucasus, a role of grand duke in decision of important military and political questions.

Keywords: XIX century, Russian empire, M.N. Romanov, Caucasus, emperor, grand duke, deputy Caucasian, army, general-field marshal, Caucasian war, Country reform.

Великий князь Михаил Николаевич Романов (13(25) окт. 1832 - 5(18) дек. 1909), младший брат российского императора Александра II, был назначен 6 декабря 1862 г. наместником Его Императорского Величества на Кавказе и командующим Кавказской армией, со всеми правами главнокомандующего действующей армией [1]. Это назначение не являлось инициативой самого Александра II, а состоялось по